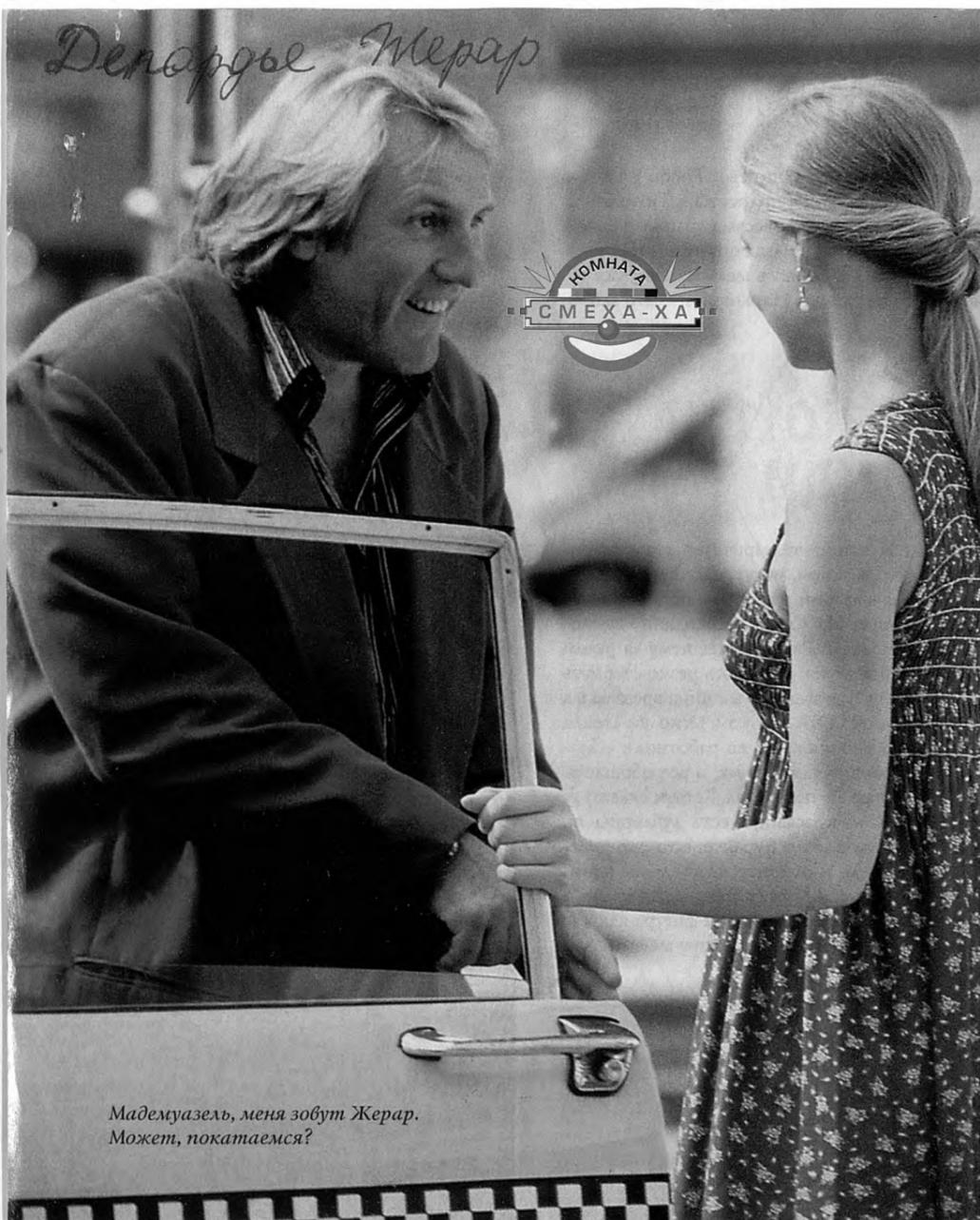

Депардье Жерар

Мадемуазель, меня зовут Жерар. Может, покатаемся?

Депардье во Франции любят. За блестящие роли, удачливость, широту, непоказную любовь к детям. Над Депардье беззлобно ехидничают. Разные издания с удовольствием пересказывают фрагменты его биографии, делятся забавными впечатлениями от встреч с ним. Депардье не обижается. Он вполне успешно вписывается и в амплу увальня, эдакого дитя природы, и одновременно блестящего актера и преуспевающего бизнесмена. 27 декабря Франция отметит его пятидесятилетие.

Трудное детство

В школе, где учился Депардье, учеников заставляли продавать конверты с благотворительными марками американцам из союзнических войск (в конце пятидесятых они все еще стояли во Франции). Одноклассники Жерара принялись за дело без энтузиазма. Едва сбавив конверт, они торопились отнести вырученные два франка учителю и с чувством выполненного долга тут же спотыкаться домой. Каковы же были их недоумение и радость, когда Жерар предложил скупить у них все конверты, избавив тем

самым от нудной обязанности. «Ну и придурок же он», — думали приятели. Разве могло им прийти в голову, что, став монополистом, юный Депардье начал вполне успешно загонять «товар» американцам по десять франков, разницу, естественно, опуская к себе в карман!

Начало

Когда Жерар впервые переступил порог театральной школы, профессор предложил ему выйти на сцену и что-нибудь сымпровизировать. Имевший весьма смутное представление о

27.12.98.
Депардье
Старый стриптизер

профессии актера Депардье растерялся. На него светили прожектора, придирчиво смотрел преподаватель. Жерару показалось, что он стоит перед полицейским. Это было более привычным. «Единственный способ отделаться от него в таком случае — улыбаться. И я улыбнулся, затем глупо засмеялся, скорее над самим собой. Я не произнес ни одного слова, но они все увидели, как моя улыбка перешла в истерический смех, и весь зал захохотал вслед за мной. Говорить мне уже не понадобилось».

Утро красит нежным цветом

Депардье очень часто достается от журналистов. Они с удовольствием описывают его грубоватые манеры и подробности его приключений. А иногда и умышленно провоцируют его, чтобы потом посмаковать колоритные детали. Вот, например, каким запомнился визит к Депардье одному лихому американскому журналисту.

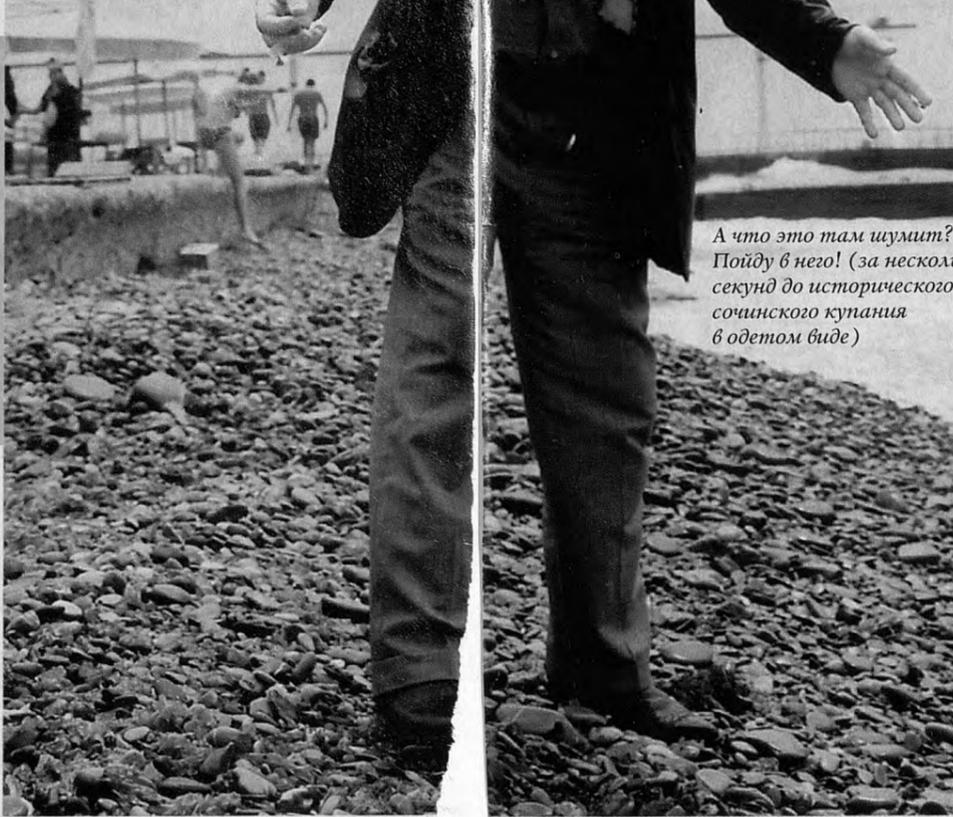
«Я подошел к его дому в Анжу в тот ранний час, когда солнце едва едва осветило высокие стены старинного замка. Внутри была мертвая тишина. Я стучал в дверь минут двадцать. Наконец дверь открылась и передо мной появился Депардье. Больше всего

он был похож на медведя, только что вышедшего из зимней спячки. «Черт! — прорычал он. — Вы знаете, сколько сейчас времени, мистер?» Но при этом подмигнул глазом, как бы давая понять, что шутит. «Вы спали, пока другие страдали, стоя под дверью?» — сказал я и, не дожидаясь приглашения, прошел в гостиную. В углу комнаты стоял стул. На нем горела лампа, зажженная накануне вечером. Около стула стояло несколько пустых бутылок из-под вина. Когда я нахально уселся, Депардье посмотрел на меня с некоторым недоверием. Видимо, у него никак не могло уложиться в голове, что это за тип сидит в его комнате.

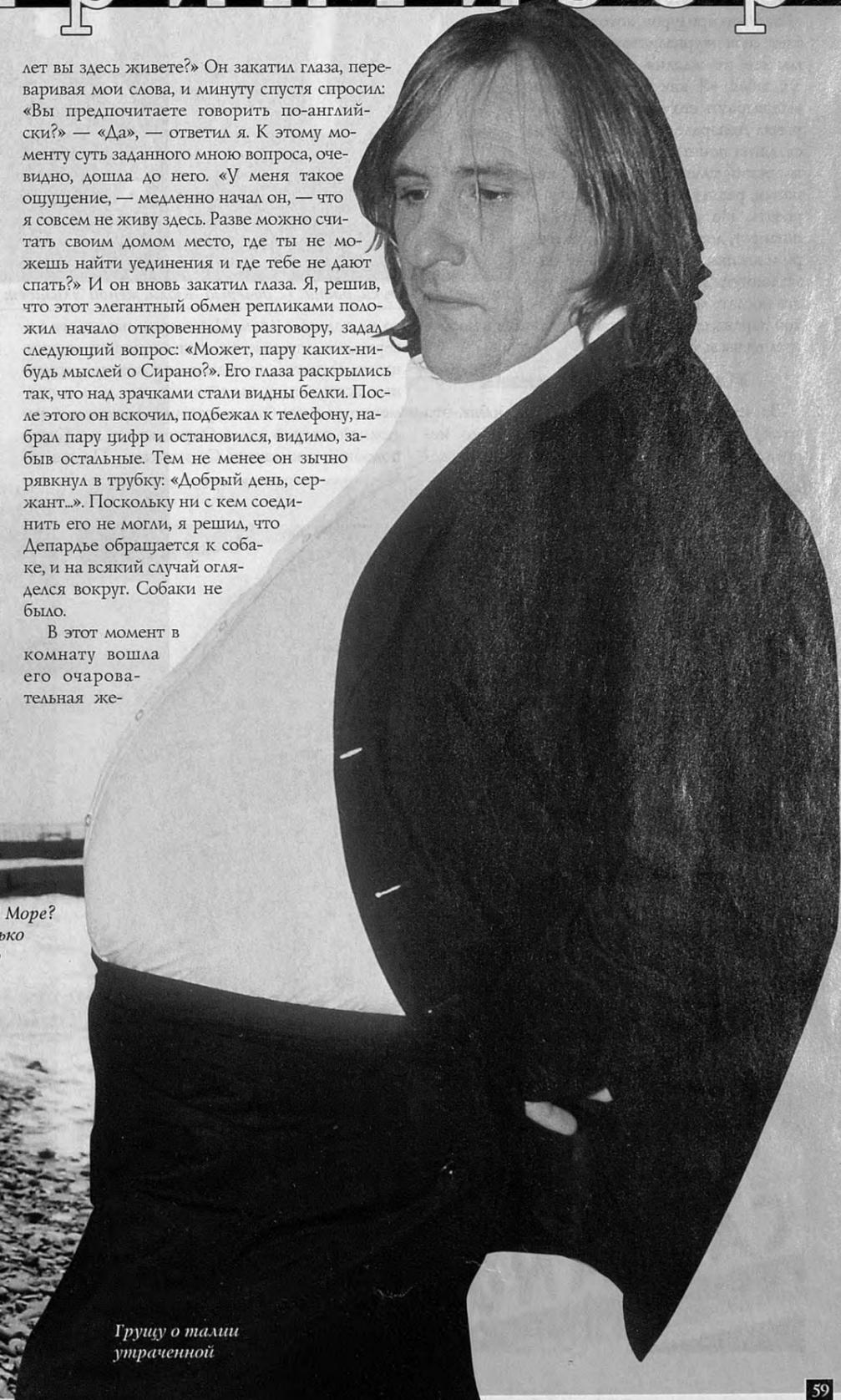
И хотя я и не обладаю телепатическими способностями, я был уверен, что в этот момент он думает: «Действительно ли это происходит со мной или это продолжение сна?». Не отрывая от меня взгляда, он медленно сел на стул напротив. Чувствуя себя вполне уверенно, я решил переходить к вопросам. «Сколько

лет вы здесь живете?» Он закатил глаза, переваривая мои слова, и минуту спустя спросил: «Вы предпочитаете говорить по-английски?» — «Да», — ответил я. К этому моменту суть заданного мною вопроса, очевидно, дошла до него. «У меня такое ощущение, — медленно начал он, — что я совсем не живу здесь. Разве можно считать своим домом место, где ты не можешь найти уединения и где тебе не дают спать?» И он вновь закатил глаза. Я, решив, что этот элегантно обмен репликами положил начало откровенному разговору, задал следующий вопрос: «Может, пару каких-нибудь мыслей о Сирано?». Его глаза раскрылись так, что над зрачками стали видны белки. После этого он вскочил, подбежал к телефону, набрал пару цифр и остановился, видимо, забыв остальные. Тем не менее он зычно рявкнул в трубку: «Добрый день, сержант...». Поскольку ни с кем соединить его не могли, я решил, что Депардье обращается к собаке, и на всякий случай огляделся вокруг. Собаки не было.

В этот момент в комнату вошла его очаровательная же-

А что это там шумит? Море? Пойду в него! (за несколько секунд до исторического сочинского купания в одетом виде)

Грущу о талии утраченной